

ЧЕЛОВЕК «СМУТНОГО ВРЕМЕНИ» В ПОВЕСТИ Л. БОРОДИНА «ЦАРИЦА СМУТЫ»

© 2007 В.И. Дружинина

Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова

Имя Л. Бородин, современного писателя-прозаика, стало известно в конце 1970-х – начале 80-х годов. За границей, переведенные на многие европейские языки, были напечатаны его повести: «Гологор», «Третья правда», «Повесть странного времени», «Год чуда и печали». Первая книга в России появилась в 1990 году. Причины столь необычного явления кроются в политических и религиозных убеждениях писателя, за которые в советские годы он претерпел гонения и репрессии. В 1960-х годах Л. Бородин являлся членом Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа – организации, выступавшей против существующего в СССР социального строя, указывавшей на его враждебность человечеству и необходимость его свержения. ВСХСОН высказывался за необходимость следовать русским духовным и национальным традициям. За участие в работе ВСХСОН Л. Бородин был арестован и провел 6 лет в заключении. Именно там он впервые взялся за перо и осознал себя писателем. После возвращения, с 1973 по 1982 год, Л. Бородин занимался созданием журнала с национально-православной направленностью и литературной деятельностью. За публикации своих произведений за рубежом он был снова осужден на 10 лет, но был освобожден в первые годы перестройки. Уже много лет Л. Бородин успешно работает как писатель: он автор многих известных произведений: «Ловушка для Адама», «Расставание» и др. Писатель осуществил свою мечту об издании журнала: с 1992 года по настоящее время он – редактор журнала «Москва», где печатаются произведения, авторы которых стремятся следовать традициям русской классики XIX и XX веков. И как писатель, и как редактор *«он избежал искусства новейшего «эстетизма», в какие бы формы оно не рядилось, видимо, понимая, что без понятия «совесть» русская литература все равно, что немецкая без философии, французская – без любви и английская – без юмора»* [1, 4].

Отличительная особенность писателя Л. Бородин – стремление художественно осмыслить проблемы духовно-нравственного состояния современного общества, причем проблемы нашего времени он нередко рассматривает сквозь призму прошлого. В программном его произведении «Третья правда», военных рассказах, исторических повестях он пытается привлечь внимание читателей к вопросам нашего переломного времени, актуализируя их на фоне главных событий российской истории.

Повесть Л. Бородин «Царица смуты» впервые была опубликована в 1996 году в журнале «Москва». Работа над повестью продолжалась несколько лет. Для писателя тема смуты – одна из доминантных тем. Автора «Повести странного времени» и исторической повести «Царица смуты» волнует «проблема разрушения национальной целостности, веками длящийся конфликт внутри своих, всегда губительный для всех его участников» [10, 156].

В основе сюжета повести – один из самых сложных периодов истории России, так называемое «смутное время», эпоха самозванцев и жестокой борьбы за царский престол. Смутное время – это *«...итог кризиса веры. Смута началась в конце девятнадцатого века, и сегодня она еще не закончилась»* [4], – считает Л. Бородин. Смутное время с его многочисленными поворотами и интригами привлекательно для воплощения на сцене, в литературе. Уникальное явление русской исторической жизни – самозванство – вызывало большой интерес у историков, драматургов, писателей. Естественно, что наиболее притягательным образом для художников являлся образ первого самозванца – Лжедмитрия I, с него начался поток самозванцев на Руси. В большинстве литературных произведений о смутном времени уделялось внимание именно Лжедмитрию I: «Дмитрий Самозванец» Ф. В. Булгарина, А. С. Хомякова, «Лжедмитрий» А. А. Шишкова, «Борис Годунов» А. С. Пушкина, «Царь Борис»

А. К. Толстого. Гораздо меньше внимания уделено в литературе женщинам периода смуты: в наше время совершенно забыты «Марина Мнишек» А. Д. Львовой, «Царь Дмитрий Самозванец и царевна Ксения» А. С. Суворина, «Ксения и Лжедмитрий» Н. Л. Пушкирева.

Л. Бородин делает героиней своей повести Марину Мнишек, польку, жену самозванца Лжедмитрия. Ее глазами он смотрит на русских в смуте, дает оценку западного человека русских событий. Действие повести Л. Бородина происходит на исходе «активной фазы» смуты: пресечение царской династии и венчание на царство лиц не царского звания, да еще с очень темным прошлым, дестабилизировали обстановку. Метание бояр в поисках своего царя, послушного и лояльного к ним, претензии со стороны Швеции, Речи Посполитой — все это всколыхнуло народ во всем государстве. Стремление добиться личной выгоды, разделение сословий, участие казачьей вольницы в событиях смутного времени расшатало государственные устои настолько, что встал вопрос о существовании собственно российского государства.

В основе сюжета — скитания потрепанного войска бывшей московской царицы в поисках достойного выхода из сложившихся не в ее пользу обстоятельств. В повести можно выделить три сюжетных линии: скитания войска по степи и короткое пребывание в Астрахани, бой на реке Яик и окончательный разгром сил Марины Мнишек войсками московского царя. К началу повести все главное уже произошло, и все ожидают развязки. Смута затихает, новый царь восседает на престоле. Писатель дает ретроспективно события, которые предшествовали появлению Марины Мнишек в пределах Московского государства. А. И. Солженицын считает, что *«такой выбор сюжета мог иметь целью и, во всяком случае, вел к переносу центра внимания на психологию, внутреннюю жизнь Марины Мнишек»* [15, 149].

Трактовка образа Марины Мнишек Л. Бородиным расходится с общепринятой. Начиная с А. С. Пушкина, Марину Мнишек традиционно оценивают как расчетливую, эгоистичную и крайне амбициозную женщину. У Пушкина и Марина, и ее отец действуют заодно: Марина подана как активная соучастница интриги. Цель ее — Москва, Кремль, трон и все Московское государство. Марина в «Борисе Годунове» кладет на одну чашу весов свое расположение, свою любовь к московскому царю, а на другую — захват Москвы самозванцем Дмитрием. Она словно подталкивает и манит его за собой. Расчетливая полька с царскими амбициями — такова Марина Мнишек у Пушкина. Современный исследователь М. Г. Лазуткина упоминает поэму

А. Д. Львовой «Марина Мнишек» (1882) в качестве произведения, продолжающего пушкинскую традицию. Автор поэмы наделяет свою героиню расчетливостью, сильной волей, а исследователь считает: *«Характер Марины в высшей степени удался поэтессе, которая двумя фразами весьма точно характеризует свою героиню: «В кокетстве милого ребенка / Расчет таилась старика...», а «...престол / Ей заменил любовь и счастье...»* [13, 171].

Л. Бородин не отрицает общепризнанных исторических фактов и сложившейся литературной традиции, но Марина у него прежде всего жертва. Эпиграфом ко всей повести можно было бы взять слова боярина Олуфьева: *«...несчастливая женщина, соблазненная царством и обманутая людьми...»* [8, 93]. Марина Мнишек представлена автором как жертва политического расклада европейских хитросплетений. Как только она из простой шляхтянки становится невестой Дмитрия, в силу вступают интересы различных групп, государств, религий. Она не интересна никому как дочь воеводы из Самбора, но как польская подданная на московском престоле она волнует многих. Она — «козырная карта» в руках Европы. Но ни отцу, ни Речи Посполитой, ни Риму не интересна судьба московской царицы при неудачном исходе всей авантюры.

Характер Марины Мнишек раскрывается через ее мысли, слова, чувства, поступки. Большое значение придается не столько внешности царицы, сколько тому впечатлению, которое она производит на окружающих в минуты, когда решается судьба каких-либо событий. И Заруцкий, и Олуфьев ее воспринимают как *«хрупкую, маленькую»* и даже *«тихую»* женщину. Но если первый стремится извлечь из ее любви корысть: *«Теперь только ее именем, да еще именем ее ублюдка живо казацкое дело...»* [8, 25], то второй проникается жалостью к слабой женщине и хочет *«... взять ее на руки и вынести прочь из смуты...»* [8, 30].

Марина Мнишек в повести Л. Бородина показана как человек западного мышления, где зачастую закон заменяет совесть. Для своих действий она подыскивает подходящую рациональную основу, выстраивая вполне логичное оправдание своим поступкам. Она просит у Бога справедливости для себя, у народа и бояр московских требует следования клятвам и обещаниям, так щедро раздаваемым ими во время ее приезда в Московию. Марина часто взывает к заступничеству Девы Марии. Но в ее молитвах нет искренности, она и с Богом говорит о себе так, как привыкла думать: она есть царица московская, ее сын — законный наследник. Не открывает она всей правды перед ликом Божьей Матери, хотя

знает наверняка, что Дмитрий — самозванец, и, следовательно, несправедливые дела имеют самые непредсказуемые последствия. В душе Марины, как убедительно показывает автор повести, вступают в противоборство вера в законность своих претензий на московский трон и осознание обмана, коренящегося в самом факте существования двух Дмитриев, о которых упоминается в тексте как о неких тенях. Именно поэтому она стремится убедить себя в том, что покровительство Божье, замысел Божий ее хранит. Для подтверждения своей правоты она проходит в сильнейшую грозу по стене астраханского кремля. Оставшись невредимой, видит в том волю Божью и с этого момента полагается только на нее, невзирая на невыгодное для ее войска стечение обстоятельств. Гордыня и страсть к власти являются главной ловушкой, в которую попадают героини многих произведений Л. Бородина, в том числе и Марина Мнишек. Ведь свою мысль о царстве она не оставляет до конца, стараясь приспособиться, обойти все препоны и препятствия и достичь своего любым путем. Только расчет свел двух участников смуты: Марину и атамана Заруцкого. Они используют друг друга, и каждый определяет для сподвижника в будущем отнюдь не главную роль. Царица для Ивана Заруцкого — как ступенька в его жизни: необходимая, но временная. И сам атаман тоже является для Марины не чем иным, как средством достижения цели: *«Совесть могла бы подсказать Марине, что сама-то она в былых планах своих приговорила Ивашке дойти только до стены кремлевской, и не шагом далее»* [8, 21].

Драма Марины заключается и в том, что она считает себя московской царицей, но, как человек западного мышления, в душе не может понять «русинов», их образа мыслей, их поведения. Не зная людей той страны, куда ее забросила судьба, Марина не может осознать всей тяжести ситуации, той смятенности в умах и сердцах русских, которые то устремляются в сторону польскую в поисках законного (настоящего) царя, то в сторону самозванцев и самозванных царей, избранных толпой московской черни, и тут пытаешься найти справедливость. Интуитивно чувствуя, что в Московии не так все просто, Марина все-таки прельщается дарами боярскими и возможностью стать царицей земли бескрайней. Бескрайность Московии поражает, восхищает, но и, когда ей пришлось броситься в скитания, выматывает. Бесформенность, бесконечность ногайских степей, по которым пришлось идти войску Марины, притупляет сознание, делает бессмысленным всякое движение по плоской, неограниченной ничем равнине. Это скитание по степи — еще одна отсрочка гибели, так как Марина догадывается, что *«...никуда нет отсюда*

дорог». Марину волнует вопрос, зачем русичам столько земли, они ее не могут всю освоить, *«...не знают цены и не к освоению настроены, но только к пересечению из конца в конец...»* [8, 74]. Так Л. Бородин вполне в русле русской философии и литературы размышляет о непостижимости и губительности для чужеземных искателей счастья русских пространств.

Непостижимым представляется Марине Мнишек народ той страны, над которой она так хотела властвовать. Проехав из Речи Посполитой до Москвы, по дороге встречая восторг и приветливый прием русских, она *«подлинной, великой славы хотела народу и государству»* [8, 56]. Когда же ее мечты молниеносно разрушились, она недоумевает. Ведь только что восторженная толпа приветствовала ее, бояре *«били лбы»*. Вспоминая свой приезд, она с гордостью отмечает: *«Архиереи с иконами, полки стрелецкие... Это в Смоленске... Еще не знали, что по договору Смоленск Польше отходит сразу после венчания»* [8, 58]. С течением времени лишь слегка ощущаемая опасность реализовалась после венчания, когда спустя пятнадцать дней толпа, дотоле с благоговением взиравшая на нее, ворвалась в Кремль и расправилась с Дмитрием. Время иллюзий для нее закончилось.

Едва ли не самой значимой для писателя причиной гибели своей героини становится та духовная миссия, которую, как он считает, возложили на Марину Мнишек европейские политики и католические прелаты — склонить Московию к Риму, изменить традиционную для России православную веру. Именно это ставит ей в вину ее бывший сподвижник, а позже монах Никита Долгорукый: *«Ну, как же, а расстрига Отрепьев, через кого ты царицей нарекла, а вор тушинский, а обет твой, что дала врагам веры православной, что в латинство мерзкое народ русский обратишь, землю северскую, искони московскую, не обещала ли Сигизмунду за содействие тайное?»* [8, 62]. Именно это *«содействие тайное»* отвергает и посол Афанасий Власов, этот *«мужик»*, в чьем облике Марине видится некая загадка, преподнесенная миру Россией. *«Узрюмый бородач»*, полусонный мужик явился для нее проводником в страну, где она собиралась властвовать. Но выражение лица бородача меняется сразу же, как только невестой московского царя допускается, с его точки зрения, оплошность — Марина просит на коленях благословения у польского короля. И ей показалось, что не так прост этот царский посол, да и предсказуемого течения обстоятельств не следует ждать.

Вместе с тем писатель стремится как бы оправдать свою героиню, запутавшуюся в смутном времени среди своих и чужих страстей. Однако

вкладывает он эти оправдательные рассуждения в уста всегда жалевшего ее боярина Олуфьева: *«Марина менее других в лукавстве повинна. Если и признала тушинского царька Дмитрием, то свое право на трон через его имя не выводила – народом и боярами царицей московской была признана, его и остаться хотела, правду закона в том видела»* [8, 41]. Интересно при этом отметить жесткость позиции того же Олуфьева к другим участникам смуты: *«А Сапега, о московском престоле подумывая, за два года кому только не изменил, с кем не союзнчал, сколько крови христианской пролил, сколько земель на Руси разорил, но дошел-таки до Кремля, уютом и роскошью царских покоев наслаждался. Там и помер... Никому из них не дано было смерти доблестной на поле ратном»* [8, 30]. Но женская судьба всегда оценивается Л. Бородиным по иным критериям. За женщиной писатель оставляет всю красоту мира и способен прощать ей почти все. О героине повести «Женщина в море», Людмиле, автор устами героя говорит, что *«Людмила по самым серьезным критериям человек хороший, что дурное в ней наносно, что нужно только соответствующее стечение обстоятельств, чтобы выявилось добро ее природы...»* [6, 359]. Сочувственное отношение к женщине в повести отмечает и современный критик А. Немзер: *«Марину Бородин судить не может. Потому что одна осталась – да и одна и была. Потому что расплатилась горше всех... Потому что – женщина»* [14, 107]. Однако повесть заканчивается сказанием о Маринке-разбойнице, где она предстает злодейкой, еретичкой и где ей уготована позорная смерть от рук Добрыни Никитича, русского богатыря и защитника русской земли. Так выражена народная точка зрения на самозванцев, к которым народ причислил и Марину Мнишек. Как не вспомнить здесь слова, полные глубокого смысла: *«Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет»*.

В повести «Царица смуты» Л. Бородин продолжает художественное исследование национальной и народной типологии, столь ярко и интересно начатое им в повести «Третья правда» и других произведениях. Как подмечено исследователем творчества Л. Бородина, герои словно бы поставлены в ситуацию нравственного выбора: *«Внимание к обостренным пограничным ситуациям, когда человеческая жизнь может перемениться, для Бородина очень характерно. Он словно ставит своих героев в эти ситуации, проверяя их на излом, и оттого проза его так напряжена»* [9, 4].

Наиболее любимым героем писателя, знакомым по его повестям «Женщина в море» и «Ловушка для Адама», является тип размышляющего человека, интеллигента, как бы случайно вовлеченного в события. Таким героем в повести стал боярин Андрей Петрович Олуфьев. Преданность,

верность и честь – вот качества, характерные для боярина и выделяющие его среди других сподвижников московской царицы. Но они же являются истоком его драматичной судьбы.

Боярин Олуфьев является приверженцем идеи государственного устройства, он вполне разбирается в делах явных и тайных. Он представляет свою жизнь как дом, выстроенный по особому порядку, в котором всегда присутствует образ Божий. И до смуты жизнь была понятна: *«Была всяк миг за спиной Русь православная да царь-государь, знай лишь правь свое дело с честью и рвением, и простятся тебе прочие грехи мирские и воздастся тебе по делам...»* [8, 29]. Боярин задается вопросом о том, почему возникли самозванцы, отчего появилась *«дерзость у холопов называть себя царями?»*

После ухода деспотичного царя Ивана Грозного и смерти его сына, власть царская, передаваемая по наследству, достается выборному царю, которого подозревают в убийстве царевича Дмитрия. Так несправедливое воцарение Бориса Годунова всколыхнула широкие слои русского общества, породив стихию национального возмущения. *«Потом же мир вдруг перевернулся. Воры и самозванцы, как грибы-поганки, как вонючие пузыри на болоте, один за другим возникали из ниоткуда, сотрясали Русь воровским кличем, жадным до мертвечины вороньем слетались с окраин на Москву, опустошая и разоряя дворы и дворцы...»* [8, 28]. Ослабленное в миг государство было окружено такой толпой жаждущих власти, что усмотреть хоть в каком-либо участнике событий толику правды не представлялось возможным. И единению народа пришел конец. В царствование Василия Шуйского *«...не было по тому времени на Руси народа, как прежде, но была смута, а в смуте хрипнет глас народный...»* [8, 29].

Образ Олуфьева – сквозной образ, герой фигурирует в сюжете от первой до последней страницы повести. Его «голос» в повествовании становится ведущим и по стилю сближается с «голосом» автора, что дает основание видеть в его размышлениях и оценках выражение авторской позиции. В сюжете он играет роль свидетеля, очевидца и в меньшей степени участника драматических событий. Боярин предстает в самых разных ситуациях: он рядом с Мариной в степи, на Волге в бою с царскими войсками, Астрахани и в крепости на Яике.

Именно Олуфьев осознает сущность происходящего как «подмену, обман». Идет ли речь о царе Лжедмитрии, о хмельной любви боярина к холопке Стефании или о деле государственном: *«...смута, разве ж она не с того началась, что всяк во имя свое подвигался к делу, а дело общее, государственное в подмену ушло...»* [8, 29]. Порядок в обществе, устанавливаемый веками: *«...царю*

скипетр, боярину служба, смерду покорность...» [8, 29] — рассыпался по бревнам в когда-то крепком государственном «доме». Боярин отчаялся найти *«среди нечистых людей чистого дела»*. Смута повредила многие представления, понятия, закружила судьбы людей в такие хитросплетения, из которых чистым душой выйти было трудно.

Будучи человеком чести, Олуфьев остается с той, кто более других пострадал в смуте, да к тому же с женщиной, по закону называемой московской царицей. Боярин и сам иногда задает себе вопрос, почему он с Мариной? Любовь ли это? Если верность, то какому делу? Любовь Олуфьева — это жалость, испытываемая им при виде Марины, осознание того, что конец близок, час расплаты настает, но спастись она не хочет, а хочет лишь славы и восстановления в своих правах московской царицы. Олуфьев *«увязался»* за Мариной *«без корысти и стыдных умыслов»*. В Марине боярин видел, прежде всего, жертву, которой пользуется то одна сторона, то другая, предавая ее в зависимости от положения дел. *«Женщины не видел в ней, но зла в душе не имел, потому что все-таки женщина, а с женщиной не воюют»* [8, 30]. Служа верой и правдой московской царице, он постепенно приходит к мысли, что дело ее неправое, но уйти не может. Другие бояре вовремя переметнулись на сторону нового царя. А он? Просить пощады у изменников, пусть даже не из корысти поменявших хозяев, это не его путь. *«Когда б иные, незнанные и неповинные, как просто было бы вынуть саблю из ножен, положить у ног и отдаться на милость или кару»* [8, 93]. С. Земляной заметил в своей статье, посвященной прозе Л. Бородин: *«Суть трагедии в том, что безвинных — нет, а жизнь продолжать — нужно, разрывая роковую цепь предательства»* [11, 6].

Замысел Божий про него, боярина, он видит в служении до конца: *«Но, может быть, в том и был замысел, что, когда ни у кого их лучших людей и худших без корысти верности нет, суждено ему явить верность чистую и бесполезную»* [8, 34]. У него не остается никакой другой «правды», кроме верности, хотя жажда правого дела мучит героя. Олуфьев живет в плену своих принципов, которые очень уместны и правильны в стабильное время. Время окончания смуты — время компромиссов, гибкости, лояльности во всеобщее благо, так как *«...из грязи и греха вновь родившееся государство, что всегда правее смуты...»* [8, 42]. Правда царицы потонет в высшей правде воскреснувшего народа, *«оттого что прочих правды тьма тьмучая, а истина одна»* [8, 46]. Печальный исход противостояния новой власти и сторонников Марины предрешен. Боярину достаточно взглянуть на лица приспешников и все понять: *«...по издыхании смуты с каждым разом все дур-*

нее ликом и люди вокруг него, словно осадок породы человеческой» [8, 27].

Олуфьев заканчивает свой путь с Мариной в бою с казаками, перешедшими на сторону московского царя, получает рану, которая, как это уже было не однажды, спасает его жизнь и отводит от него гнев Господень. Завершение жизни боярина Олуфьева бесславно: он вдалеке от государственных дел, на окраине Российского государства, в ногайских степях. Мятущийся человек без особых целей в жизни — таков боярин Олуфьев. И жизнь для него не жизнь, а наказание. А. И. Солженицын оценил поведение Олуфьева как «вялое»: *«Не верится и в его выдающуюся воинственность, якобы многожды проявленную и в прошлом, и нереально видится его бесцельная и безгражданная («отцовская») верность Марине, еще и при вялом поведении его»* [15, 155].

Л. Бородин стремится соотнести меру вины обстоятельств и личности в смутные периоды российской истории: *«В лице Олуфьева я хотел отобразить трагедию людей, которые во время смуты оказываются вовлеченными в поток, откуда выбраться им уже очень трудно... Сможет ли он противостоять ей, пристанет ли к какому-то берегу — это зависит не только от его личных качеств, но и от стечения множества обстоятельств»* [5, 106]. Но писатель осознает, что самым достоверным критерием становится народная оценка, а в народной памяти он так и остался «Маринкиным боярином».

Своеобразным антагонистом Олуфьева является другой сквозной образ повести — образ атамана Заруцкого. Бунт, стихийность, разгул страстей характеризует настроение людей того времени. Тип бунтаря представлен в образе атамана Ивана Заруцкого, возглавлявшего войско Марины Мнишек. Впервые в повести он предстает перед читателем в ногайской степи в тот момент, когда вихрь сорвал с головы его шапку, что сразу дает аллюзию из известной песни: *«Налетели ветры злые, / Да с восточной стороны / И сорвали черну шапку / С моей буйной головы»*. Так на первых страницах автором предвосхищен близкий конец Ивана Заруцкого. И сам атаман, и его казачье войско больше напоминали разбойничью шайку стремлением к добыче и воле. Все, кто знал эти особенности казачества, не преминул ими воспользоваться, сыграв очень точно свою «партию»: *«...раздираема душа казацкая двумя началами: воровством и жаждой удали доблестной. На том и другом, как на зурне, искусно играть можно — и кто только не поиграл»* [8, 86].

Н. Бердяев, отмечая большое значение казачества во время смуты, писал: *«Казацкая вольница была очень замечательным явлением в русской истории, она наиболее обнаруживает полярность,*

противоречивость русского народного характера. С одной стороны, русский народ смиренно помогал образованию деспотичного, самодержавного государства. Но, с другой стороны, он убежал от него в вольницу, бунтовал против него» [2, 15].

В повести атаман Заруцкий вызывает как отрицательные, так и положительные эмоции. Его мечта — это казацкое государство, целью которого должно стать завоевание народов, способных платить дань. Заруцкий также представляет в повести мысль «государственную», но своеобразную. Он во главу государства ставит казачество — социальный слой, еще не оформивший свои взгляды на государство. Но в сравнении со многими другими атаманами Иван Заруцкий менее подвержен шатанию и заметно выигрывает даже внешне: *«...орел орлом, красив атаман, восхищение людское воспринимает как должное...»* [8, 24]. Жизнь казака научила многому, а он оказался толковым учеником. Про него Марина с удивлением говорила, что не по-холопски умеет обращаться с ней, а по-рыцарски, хотя он *«мужичий сын, малым угнанный в татарский плен, выросший в плену, обманувший басурманов и бежавший, статью, умом, храбростью выбившийся среди казаков в атаманы, три года воевавший Московский трон для дочери польского шляхтича...»* [8, 22].

Но и сам атаман ведет свою игру. Используя Марину и ее сына как идеологическую составляющую своего плана по созданию казацкого государства, он до поры до времени не высказывает своих мыслей о судьбе семьи царицы. Ему не жаль трона для Марины, ведь властвовать будет он. Силой казацкого государства будут тягловые и служилые казаки, которым будут платить дань все покоренные земли. *«А в Московии — казацкое царство без бояр-захребетников и прочих ничемных людишек, без меры расплодившихся в русской земле...»* [8, 26]. Мечта о казацком государстве продолжала волновать казачество и в годы гражданской войны XX века. Существует точка зрения на то, что смутное время и есть гражданская война: *««Смутное время» («смута») — термин, обозначающий события конца XVI — начала XVII века в России. Эпоха кризиса государственности в России, трактуемая рядом историков как гражданская война»* [3, 1115]. Но участников смуты XVII века и гражданской войны XX века отличает то, что казацкое царство атамана Заруцкого границами не очерчено и как бы совпадает со всей Русью. Государство казаков в гражданской войне ограничено Донской областью, Кубанью. Более хозяйственным казакам хочется настоящей мужской работы, да и воевать они соглашались только в пределах своих хуторов.

Иван Заруцкий видит себя «народным царем», но жестокое отношение его казаков к

холопам отталкивает от него простой люд. Его поддерживает лихое казачество, но лишь тогда, когда улыбается фортуна. Заруцкий делает ставку на донцов, которые кажутся ему более организованными на серьезное дело, ведь именно они во главе с Ермаком преподнесли Сибирь царю Ивану: *«Прими, царь-батюшка, под руку свою»* [8, 39]. *«Казацкое государство вольных людей»* — вот идеал государственности для Ивана Заруцкого. Но казацкое счастье оказалось недостижимой мечтой. Отступление из Астрахани, скитание по Яику и, наконец, потеря власти над казаками — вот результат следования цели создания казацкого государства. Заруцкий повержен, *«а и мускул на лице не дрогнет, вся мука атаманская глубоко упрятана в душе, ликом благороден, осанкой тверд»* [8, 90]. Заруцкий хоть и провозгласил поход на Москву, но уверен, что на Москву войной не пойдут. Воля, доведенная до всеразрешенности и необузданности, уже не устраивает людей: *«Устали от воли...»* [8, 91], — вот мнение атамана. И путь казакам лежит либо в Москву на милость царя, либо к известным разбойным промыслам. В образе атамана Заруцкого Л. Бородин показал во многом традиционный тип казака, сложившийся в русской литературе XX века благодаря М. Шолохову, В. Шукшину, разве что усилив в своем герое черты хитрости и расчетливости. Именно эти черты уже доминируют в других казаках в повести «Царица смуты».

Тереня Ус, сместивший Заруцкого, является его двойником, но если смотреть в кривое зеркало: *«Низкорослый, шириною плеч невиданной, кривоногий и коротконогий, кулаки-молоты...»* [8, 27]. Под стать внешнему облику и мысли. В последней сече с наседавшими царскими войсками, почувствовав силу и опасность, исходившую от них, Тереня бросает войско царицы и пускается в бега. До казаков доходят вести о прощении царем Михаилом бывших своих врагов, и с тех пор начинается бегство казаков из войска Марины и Заруцкого. Остаются лишь отчаянные головы со звучными прозвищами: Иван Корыто, Истома Железное Копыто, Юшка, Верзига, у которых за спиной столько крови, что сколь бы ни был милостив царь Михаил, прощения им не видеть. И вот настает момент, когда оставшиеся сподвижники сами решаются спастись, выдав Марину. Не останавливают их слова Олуфьева: *«Слышал ли кто из вас, чтобы где-то люди ратные живота себе добывали, врагу сдав воевод своих да начальников? Ни у татарвы, ни в бусурманских краях о таком позоре не слыхано»* [8, 100]. Но стихийная сила возобладала над еще не выработанными принципами казацкой чести. Для них существует лишь закон силы, нравственных законов еще нет,

а для автора, который живет в XX веке и проецирует происходящее на современность, уже нет.

Особый тип национального характера представлен в образе Никиты Долгорукого. Незаконнорожденный, но носящий фамилию своего отца-князя, он в гуще смуты. Молодой Долгорукий искренне верит в царя Дмитрия и законность его власти, играет активную роль в царской судьбе. В повести он появляется трижды, каждый раз знаменуя новый этап не только в своей судьбе, но и в судьбе Марины Мнишек. Именно он вернул ее с дороги домой в Тушино к якобы чудесным образом спасшемуся царю Дмитрию. Первая встреча с Мариной произошла слякотной осенью, когда царица вынуждена была возвращаться в Польшу. Именно из уст Никиты Долгорукого царица узнала о «спасении» царя Дмитрия. Не поверить было невозможно, да и Марина готова была поверить во что угодно, ведь возвращение на родину под власть Сигизмунда казалось ей позорной, сулило нищету после московского изобилия и роскоши. Но Никита Долгорукий представлен автором как человек, способный на осмысление своих грехов и покаяние. И при встрече с Мариной в Астрахани он, ставший монахом, кается за себя и за всех людей, кто уверил Марину в обоснованности ее притязаний на московский престол: *«Все мы виноваты пред тобой, Марья Юрьевна, все, кто бесами попутанные,равили тебе на погибель русского царства и тем тебя в неправде укрепляли»* [8, 62].

Третья встреча происходит в финале повести. Марина повержена и заточена в стенах башни. Но воля ее не сломлена, она отвергает помощь королевича Владислава. Ведь за нее нужно отречься ото всего, за что она боролась и что считала справедливостью. Она еще надеется попасть в Кремль и каждого из бояр, да и самого Михаила, уличить в измене, в узурпаторстве. Москва — ее цель — близка, хоть и в цепях, но быть ей в Москве! В Казанской башне, в крошечной тьме царица встречается с одноруким монахом. Никита Долгорукий указывает ей на ее самое уязвимое место — сына. Марина, оказавшись в подобном положении, *«первой прочего обязана жизни способствовать, и грех наитягчайший жизнь дитя в зависимости от удачи ставить...»* [8, 106]. Монах уверяет ее в необходимости спасти жизнь сына, ибо расстановка сил в государстве нестабильная. Рисковать государственная власть не может, и Марина, не подписав отречения, тем самым утвердила и себе, и наследнику смертный приговор. Монах принимает боль Марины как свою собственную, шепчет молитву за заблудшую в гордыне грешную душу.

Образ, подобный образу Никиты Долгорукого, типичен для прозы Л. Бородина. Никита Долгорукий, впрочем, как и герой в повести

«Третья правда» Иван Рябинин, проходит путь от сопричастности нечестному делу до осознания своего греха, осмысления своей судьбы. Долгорукий, Рябинин повинны в службе преступной власти, причастны к общему заблуждению, но они способны к покаянию. В отличие от боярина Олуфьева, Долгорукий сумел найти выход из двойственной ситуации смутного времени. Автор строит образ традиционно: герой физически ушиблен (у монаха нет правой руки), но духовно и духовно просветлен.

Никита Долгорукий несет правду государства московского, призывает гордую шляхтянку покаяться, осознать, что народная правда выше ее «справедливости», основанной на стольких весьма сомнительных в их чистоте принципах. Находясь в стане людей ему недружественных, монах жалеет Марину, а не себя, видит ее скорый конец, шепчет: «Бедная». Это слово дважды звучит в повести. Впервые оно слетает с уст боярина Олуфьева. «Бедная» из уст монаха — это призыв «милости к падшим», столь свойственной русской литературе, всегда верной принципам христианского милосердия.

Интерес Л. Бородина к человеку в смуте вполне понятен, ибо каждый из нас и есть тот самый человек, который ищет точку опоры, ищет свой путь спасения, ищет свою правду. Смута, помутнение умов смешало правду и «кривду», добро и зло. А люди, потерявшие ощущение правды и лжи, усомнившиеся в вере, оказываются без духовного покровительства. Автор повести заостряет мысль о том, что в смуте нелегко найти праведного человека. Даже тот, кого можно назвать человеком чести, с легкостью попадает в ловушку гордыни, впадает в соблазн. В душе каждого происходит борьба между силами добра и зла. Каждый проходит свой путь испытаний: *«Всякому верно слово в душе сказывается, но не всякий слышит...»* [8, 38].

Сквозные персонажи в сюжете повести представляют три мировоззренческие позиции и дают разные оценки смуте и ее участникам: оценка интеллигента народной смуты (боярин Олуфьев), точка зрения народа, вовлеченного и активно участвующего в смуте (казаки), и позиция христианская, несущая идеи соборного покаяния и прощения (Никита Долгорукий). Все позиции включают в себя идею государственности, так как, по точному наблюдению И. А. Ильина, *«Россия при ее объеме и составе не будет существовать под слабой государственной властью... Русская государственная власть или будет сильной, или ее не будет вовсе»* [12, 55]. Однако только христианское понимание государства может стать самым мощным объединительным началом для народа. Смута была

«не только социальным движением, не только борьбой за политическую власть, но огромным движением национально-религиозной самозащиты», – писал П. Б. Струве [16, 136-152]. И это вполне справедливо для характеристики нашего смутного времени. Л. Бородин является сторонником просвещенного консерватизма, считая православие и твердую государственность теми двумя идеями, на которых должно произойти единение нации. В одном из интервью писатель сказал: *«У меня нет сомнений в том, что без возрождения православия не произойдет национальная консолидация. Потому что православие – это та почва, на которой создавалась, развивалась и продолжало существовать Российское государство»* [7, 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Басинский П. Он пугает – мне страшно / П. Басинский // Литературная газета. – 1994. – 9 ноября. – С. 4.
2. Бердяев Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 400 с.
3. Большой энциклопедический словарь / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия. – СПб.: Норикт, 1999. – 1456 с.
4. Бородин Л. В смутное время нужно делать ставку на идею: Беседа Л. Виноградова с писателем Л. Бородиным / Л. Бородин // Православие. ru. – (www.pravoslavie.ru/guest/borodin.htm)
5. Бородин Л. «Выжить надо, коль Смуте конец...». Беседа редактора журнала «Родина» С. Антоненко с писателем Л. Бородиным / Л. Бородин // Родина. – 2005. – № 11. – С. 103-107.
6. Бородин Л. Женщина в море / Л. Бородин // Повесть странного времени. – М.: Современник, 1990. – 410 с.
7. Бородин Л. Человек из другой команды: Интервью М. Рубанцевой с писателем Л. Бородиным / Л. Бородин // Российская газета. – 1993. – 6 февраля. – С. 10.
8. Бородин Л. Царица смуты / Л. Бородин // Москва. – 1996. – № 5. – С. 18-107.
9. Варламов А. Не палачи, не жертвы: О прозе Леонида Бородина / А. Варламов // Литературная газета. – 1992. – 13 марта. – С. 4.
10. Дружинина В. И. Встреча времен в рассказах Л. Бородина / В. И. Дружинина, О. А. Бердникова // Тема войны в литературе XX века: межвуз. сб. науч. тр., посвященный 60-летию Победы в Великой отечественной войне 1941-1945 гг. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. – 215 с.
11. Земляной С. Пастыри смутного времени / С. Земляной // Независимая газета. – 1997. – 2 августа. – С. 6.
12. Ильин И. За национальную Россию / И. Ильин // Слово. – 1991. – № 4. – С. 51-55.
13. Лазуткина М. Г. Формирование художественного образа самозванца Лжедмитрия I в русской литературе XVII–XIX веков: дис. ... канд. фил. наук / Лазуткина М. Г. – Тверь, 1994. – 216 с.
14. Немзер А. Поражение справедливости / А. Немзер // Москва. – 1996. – № 5. – С. 168-169.
15. Солженицын А. Леонид Бородин – «Царица смуты»: Из «литературной коллекции» / А. Солженицын // Новый мир. – 2004. – № 6. – С. 149-158.
16. Струве П. Б. Интеллигенция и революция / П. Б. Струве // Вехи; Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910. – М., 1991. – 461 с.

Рецензент – Н. И. Копылова.

Статья принята к печати 18.11.2006.